

*Свидетели
эпохи*

АТАМАН
СЕМЕНОВ

■
О себе

Воспоминания, мысли и выводы
1904—1921

Григорий Семенов

**О себе. Воспоминания,
мысли и выводы. 1904-1921**

«Центрполиграф»

Семенов Г. М.

О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921 /
Г. М. Семенов — «Центрполиграф»,

Воспоминания атамана Забайкальского казачьего войска Григория Семенова представляют двойной интерес – и как свидетельство участника и вершителя исторических событий в Гражданской войне, и как изложение взглядов неординарного человека, самобытного и одаренного патриота, мыслителя, до конца своей жизни преданного интересам России.

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Григорий Михайлович Семенов

О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921

От автора

Будучи вынужденным волею обстоятельств временно прервать активную борьбу с Красным интернационалом, которой я посвятил себя с первых же дней захвата власти над моей родной страной его агентами, я ни одной минуты не думал, что эта борьба закончена и что большевистский опыт будет продолжаться впредь без всякого противодействия ему со стороны здоровых элементов нации.

Вести, приходящие к нам из России, говорят за то, что ныне, более чем когда-либо, русский народ тяготеет властью Советов и только полная невозможность в кошмарной обстановке советской действительности каких-либо организованных выступлений способствует сохранению существующего в России строя.

До сего времени красное правительство, засевшее в Кремле, пользовалось поддержкой некоторых государств, которые находили для себя выгодным существование в России правительства, интересующегося более чужими делами, чем устройством собственной страны, жестоко разоренной тяжелой войной и последовавшей за ней революцией, со всеми ее эксцессами и неурядицей.

Теперь наступает, наконец, время, когда сомнительная выгодность такого общения с гнездом мировой красной заразы начинает сознаваться иностранцами, и мы присутствуем ныне при знаменательном факте постепенной изоляции Советского Союза.

В мире совершаются определенные сдвиги, и это вселяет надежду в наши сердца на близость грядущего освобождения нашей страны от поработившего ее ига. Одушевленные этой надеждой, мы должны усиленно готовиться к грядущим событиям, чтобы не оказаться застигнутыми ими врасплох.

В этих целях я решил восстановить в своей памяти прошедшие события, анализ которых имеет громадное значение в том отношении, чтобы, имея перед собой опыт прошлого, избежать повторения роковых ошибок его в будущем.

Я надеюсь также, что, опубликовав свои записки, которые я старался составить возможно объективнее, не увлекаясь ни личными симпатиями или антипатиями, ни стремлением представить себя в каком-либо особенно благожелательном свете, я помогу внести ясность и необходимые исправления в изданные до сего времени исторические материалы о течении революции в Сибири, потому что все, что печаталось до сего времени о российской революции и Гражданской войне, в части, касающейся Сибири и Дальнего Востока, было далеко не полно, частью искажено, частью ложно истолковано.

Вместе с тем я хочу обратить внимание читателя на то, что этот мой труд отнюдь не претендует на роль строгого исторического исследования прошедших на наших глазах событий. Эта книга не есть история, это просто мои личные воспоминания, мысли, вызванные ими, и некоторые выводы, которыми я хочу поделиться с моими читателями, подавляющее большинство которых являются такими же русскими националистами и эмигрантами, каким являюсь и я сам.

Автор

Дайрен

1936—1938 гг.

Часть первая Революция

Глава 1 Что было

Русско-японская война, впечатления от неудач на фронте. Революционная пропаганда. Мое решение посвятить себя армии. Военные училища и постановка дела в них. Оренбургское казачье училище. Начальствующие лица и преподаватели. Основные принципы воспитания. Расписание дня. Дух и традиция училища.

Начало XX столетия было временем полного расцвета российского благополучия. Страна развивалась и богатела, несмотря на невзгоды в связи с внешними политическими неудачами 1904—1905 годов и только что пережитыми революционными потрясениями.

Период Русско-японской войны застал меня в родной забайкальской станице. В то время я жил в семье своего отца, в поселке Куранжа, расположенном по среднему течению реки Онона.

Мне было 14 лет. Читая в газетах сообщения Штаба Главнокомандующего о действиях на фронте против Японии, я болезненно переживал боевые события, складывающиеся на фронте не в нашу пользу. Я никогда не забуду впечатления, которое произвели на меня сообщения об отступлении от Ляояна и от Мукдена. Эти события весьма остро переживались всем населением России, и только социалисты разных толков и оттенков радовались несчастьям своей родины, считая, что неудачная война создаст обстановку, благоприятствующую революционным выступлениям против веками сложившегося государственного порядка.

Мобилизация 1904 года была встречена повсеместно с бурным восторгом уверенности в победе. Первые неудачи на фронте; роковые ошибки нашего командования, повлекшие за собой утрату инициативы и глубокий отход; сдача Порт-Артура и цусимская катастрофа ослабили силу сопротивляемости армии и погасили в народе волю к победе. Этим воспользовались революционеры, возбудившие брожение в народных массах и спешившие использовать нараставшее недовольство в своих целях. Тактика революционеров заключалась в возбуждении недовольства крестьян и рабочих. Объектом их действий служили также и прифронтовые районы, где появились юркие агитаторы, настраивавшие солдат против офицеров, которых обвиняли во всех военных неудачах.

Однако в то время Россия была велика и территориально, и экономически. Неудачи Русско-японской войны не подорвали мощи страны; экономический порядок не был нарушен; армия осталась верна присяге, и потому поднять массы на баррикады не удалось.

Руководители революционного движения учили, что без расстройств экономической жизни страны и без привлечения к себе симпатий армии они не могут рассчитывать на успех своего движения, и потому штаб революции ушел в подполье и, изменив тактику своей работы, повел ее в направлении подготовки масс к новому выступлению при благоприятных условиях. Эти благоприятные условия создались в начале 1917 года, когда не бывало тяжелая война подорвала экономическую жизнь страны и когда вся армия находилась в окопах. При этих условиях революционеры сравнительно легко овладели положением и взяли под полный свой контроль вышедшие на улицу голодные толпы, направив их на путь революции. Этот опыт принят к строгому учету всеми революционерами, и мы видим теперь, что, где бы ни намечалось поднятие революционного флага, везде предварительно нарушаются функции экономической

жизни страны, создается хаос и недовольство, при наличии которых социалисты легко овладевают положением, суля массам улучшение экономических условий жизни и создание такого порядка, при котором все кризисы будут легко и навсегда изжиты. Революционная пропаганда при таких условиях тем действительнее, что большинство людей всегда склонно стремиться к лучшему и свою действительность оценивает ниже того, что она стоит.

* * *

Пришел 1906 год, когда мои родители решили дать мне возможность поступить в гимназию для получения дальнейшего образования. К тому времени я уже два года как закончил двухклассное училище в станице и был вполне подготовлен к экзаменам на поступление в 5-й класс гимназии. С этой целью в июне месяце я был отправлен в Читу. Повторив с усердием всю программу, я осенью с полным успехом выдержал экзамен для поступления в Читинскую гимназию, но, за отсутствием вакансий, был вынужден остаться вне стен учебного заведения и должен был проходить курс за шесть классов классической гимназии дома с репетитором, имея в виду впоследствии сдать экстерном экзамен за шесть классов гимназии и поступить в Оренбургское военное училище, при котором находился общеобразовательный класс, помимо двух специальных. В 1908 году вступительный экзамен в училище был благополучно сдан, и я был зачислен юнкером младшего класса училища.

Постановка военного воспитания и образования в военных училищах старой императорской России была настолько хороша, что, по справедливости, она может служить образчиком и на будущее время, когда Россия освободится от оков Коминтерна и станет прежней благоденствующей страной, под сенью которой находили приют и благополучие все народы ее населяющие.

Военные училища были организованы таким образом, что только военные лица, получившие законченное образование, имели право быть в них принятыми. Но вследствие большого некомплекта в армии офицеров, некоторые училища, помимо специальных классов, имели при себе общеобразовательный класс, и в такие училища принимались молодые люди с аттестатом за шесть классов гимназии. Проведя один год в общеобразовательном классе, они заканчивали свое среднее образование в объеме программы кадетских корпусов, после чего переходили на первый специальный курс.

Что касается постановки воспитания в училищах, то за два или три года обработки, которой подвергался юнкер, он становился совершенно подготовленным к офицерскому званию. Война и последующая революция показали высокое качество и преданность своему долгу и родине юнкеров военных училищ, несмотря на то что во время войны все курсы были сокращены и общеобразовательный ценз для поступления в училище значительно понижен.

* * *

Начальником Оренбургского казачьего училища в мое время был терский казак, Генерального штаба генерал-майор Слесарев. По своему образованию, знанию и любви к порученному ему делу это был выдающийся офицер, который пользовался большим уважением и любовью своих питомцев. Инспектором классов был ученый артиллерист, окончивший Михайловскую артиллерийскую академию, полковник Михайлов, а его помощником – войсковой старшина Дутов, впоследствии Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска и известный деятель Белого движения. Грозой юнкеров был преподаватель математики, артиллерийский подполковник и академик Дмитрий Владимирович Нарбут – строгий педагог, исключительных знаний и дарований.

Командовал сотней юнкеров терец, войсковой старшина Бочаров. Он также окончил Академию Генерального штаба, и потому, помимо руководства чисто строевой подготовкой юнкеров, он вел также курс военной администрации.

Тактику нам читал Генерального штаба подполковник Веселаго, талантливый лектор и веселый в компании человек. Помимо внедрения в наши головы чисто научных истин он, при случае, руководил нашим светским образованием.

Воспоминания об училище уносят в даль былого величия и благополучия нашей родины и вселяют уверенность в неизбежности ее возрождения. Мощь армии и те основы, на которых она воспитывалась, являются краеугольным камнем всей государственной постройки, и устойчивость ее осталась непоколебимой, несмотря на продолжительную войну и тяжелые потери, пока реформаторы, типа Керенского, не привили армии бацилл политической борьбы и партийности, которые быстро раскололи монолит армии на враждующие между собой партийные группировки.

Опыт был произведен, и результаты оказались весьма показательны: в короткий срок армия фактически перестала существовать. Теперь должно быть ясно, что участие армии в политической жизни страны может быть допущено в пределах исполнения своего долга перед родиной, во имя ее блага и охранения незыблемости ее политического строя. Преступно вовлекать армию в борьбу политических партий, потому что совершенно бессмысленно верить в возможность существования такой идеальной партийной программы, которую можно было бы считать безусловным рецептом спасения родины. На политическом поле гибкость боевого порядка и свобода маневрирования необходимы не в меньшей степени, чем на поле брани; только при этих условиях возможно отстаивать реально выгодные для блага родины позиции и идти вперед по пути развития ее мощи и народного благосостояния.

День юнкера распределялся так, что для безделья времени не оставалось. Программа была весьма обширной, и, кроме того, юнкера обязаны были ежедневно уделять время для ознакомления с литературой, как классической, так и специально военной.

Зимой день начинался в 6 часов, по сигналу. Через 15 минут после побудки юнкера выстраивались на утренний осмотр и молитву, после которых полагалась обязательная прогулка в пешем строю, продолжавшаяся при всякой погоде не менее часа.

После прогулки давался утренний чай и начинались занятия по расписанию – классные и строевые. С двухчасовым перерывом на обед, занятия продолжались до 4 часов дня, причем около пяти часов ежедневно отводилось занятиям в классе и три часа – строю.

Юнкера особенно увлекались спортом во всех его видах: джигитовка, вольтижировка, фехтование, гимнастика, легкая атлетика, бег и проч. пользовались неизменными симпатиями юнкеров и процветали в училище.

Вечер посвящался подготовке к периодическим репетициям, на которых преподаватели проверяли знания питомцев, каждый по своему предмету, и в 11 часов вечера все огни в помещениях юнкеров тушились.

В Оренбургском училище, как и вообще у казаков, между юнкерами разных классов существовали чисто дружеские отношения, и то своеобразное явление, которое наблюдалось в иных, преимущественно кавалерийских училищах и которое было известно под названием «цук», никогда у нас не наблюдалось. Традиционно казачий характер взаимоотношений юнкеров между собою исключал возникновение цука в училище, в котором воспитывались представители всех казачьих войск, кроме Донского. Донцы имели свое войсковое училище в Новочеркасске на Дону.

До 1908 года юнкера носили каждый свою войсковую форму и она представляла собою весьма пеструю смесь цветов и покроя одежды. С 1908 года в училище была введена однообразная форма, состоящая из мундира с красными погонами и серебряным галуном вокруг них

и шаровар с синими лампасами. Головной убор – черная большешерстная папаха или фуражка с синим околышем и темно-синим верхом.

В последнюю войну многие воспитанники Оренбургского училища удостоились высоких боевых наград – ордена Св. Георгия и золотого оружия, а наш бывший юнкер, ныне полковник, Гамалий совершил совершенно легендарный поход с сотней казаков через Аравийскую пустыню, связавшись в Месопотамии с англичанами, за что и получил высший английский орден за храбрость и боевые заслуги.

Глава 2

Монголия

Производство в офицеры. 1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. Командировка в Монголию. Первые связи. Монгольская революция. Мое участие в событиях. Разная оценка его военными и консульскими властями. Высылка из Монголии. Рекордный пробег Урга – Троицкосавск. Чжозжен-геген. Духовная прозорливость. Политическая осведомленность. Значение религии.

В 1911 году, 20 лет от роду, я окончил курс училища по 1-му разряду и был произведен в хорунжие, с назначением в 1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. После установленного 28-дневного отпуска, проведенного мною в доме своего отца, я прибыл в полк, который в то время квартировал в городе Троицкосавске, на границе Халхи (Северная Монголия).

Полком командовал блестящий офицер, полковник, граф Артур Артурович Келлер, впоследствии принявший Астраханскую казачью бригаду, с которой он вышел на войну.

В полку я пробыл всего лишь около трех недель и был послан в Монголию для производства маршрутных съемок. По окончании этой работы я был оставлен при 6-й сотне полка, бывшей в то время на охране нашего консульства в Урге.

В столицу Монголии я прибыл в начале октября месяца 1911 года. С европейской точки зрения, Урга, конечно, мало походила на столицу, но этот город является действительным центром сосредоточения видных представителей монгольской теократии, возглавляемой Богдо-Хутухтой.

Время пребывания в Урге дало мне, с детства знающему монгольский язык, возможность близко сойтись с наиболее видными представителями монгольского общества, руководившими политической жизнью страны.

Намсарайгун, кандидат на пост военного министра Монголии, изучал у меня современное военное дело. В то же время, при содействии г. Норбо, я перевел на монгольский язык наш устав строевой казачьей службы.

Урга кипела в водовороте политических страстей и новых устремлений. Только что совершившаяся в Китае революция, подорвав, как всякая революция, основные устои империи, способствовала ее расчленению, вызвав в народах, населяющих Китай, стремление к отделению от государства и полной самостоятельности. Уничтожение единства империи и возникновение розни и сепаратистских стремлений среди народов, составлявших ее, явилось одним из главных достижений революционеров, воспитанных в полном подчинении партийной дисциплине, во имя которой они не остановились перед ущемлением интересов своей родины.

11 декабря 1911 года произошло историческое событие – отложение Халхи от Китая и провозглашение независимой Монголии.

По распоряжению нашего консула я со взводом казаков взял на себя охрану Амбана – китайского резидента в Урге, дворец которого подвергался опасности быть разграбленным возбужденной монгольской толпой. Доставив перепуганного Амбана в наше консульство, я не ограничил этим свое вмешательство в разворачивающиеся события и, видя, что наличие вооруженного китайского гарнизона в стенах импани в Курени раздражает толпу и вызывает ее на эксцессы, со своим взводом казаков, уже по собственной инициативе, разоружил китайских солдат, которые, сняв форму и превратившись в мирных жителей, рассосались в толпе без каких-либо дальнейших неприятностей. После этого, получив сведения о назревавшем нападении на Дайцинский банк в Маймачене, я со взводом отправился туда и, заняв его, предотвратил таким образом неминуемый грабеж и расправу со служащими банка.

Мое военное начальство, которому я донес о своих действиях, одобрило мою инициативу, и через несколько дней я получил телеграфную благодарность штаба округа за содействие восстановлению порядка и спокойствия в Урге. Но наш консул нашел, что мое вмешательство в дела монгол может послужить поводом для обвинения нас в нарушении нейтралитета, и, по настоянию Министерства иностранных дел, я получил предписание в 48 часов покинуть Ургу.

Администрация Дайцинского банка в Маймачене подчеркнула свою благодарность мне за помощь и защиту в дни переворота путем присылки подарка, состоявшего из 5000 лан (или долларов, теперь уже не помню), одного цибика душистого чая, весом около 4 пудов, и 10 откормленных быков. Все эти подарки были мною с благодарностью возвращены, со ссылкой на то, что, будучи офицером, я не имею права принимать от кого-либо подарки, да еще денежные. Однако директор банка настоял на том, чтобы с разрешения начальства подарки все же были мною приняты. Пришлось, в конце концов, принять все присланное и зачислить в артельное имущество сотни. Для меня лично банк присоединил до дюжины кусков шелка превосходного качества, которым я наделил своих друзей и знакомых, так как для меня, носившего форму, материал не подходил ни по расцветке, ни по качеству.

Авторитета одной нашей сотни, стоявшей в Урге, и одного взвода, принявшего под моей командой непосредственное участие в событиях, оказалось достаточно для того, чтобы сохранить порядок в Урге и направить революционное движение по определенному руслу.

Несмотря на неудачу войны с Японией, наш престиж в Восточной Азии стоял в то время очень высоко, и мои монгольские друзья, ставшие во главе правительства, возбудили перед нашими властями ходатайство о назначении меня в Ургу для участия в работе по организации национальной монгольской армии на современных началах. Однако мое самовольное вмешательство в течение революции в Урге послужило для консула основанием настаивать на моем отозвании из Урги, и потому мое назначение утверждено не было.

20 лет от роду мне пришлось впервые стать на путь политической деятельности, вмешавшись в создание истории страны великого Чингисхана. Результатом явилось: вынужденный отъезд из Урги и специальное расследование моих действий штабом Иркутского военного округа, которое было прекращено только по особому ходатайству командира полка, полковника, графа Келлера.

Отъезд мой из Урги задержался, так как проводы, организованные моими монгольскими друзьями, затянулись на несколько дней. Я уже просрочил время, когда, согласно полученного предписания, должен был явиться в полк. Телеграмма о болезни, которую я послал в полк по совету доктора Цибиктарова, не возымела должного действия, ибо наш консул в Урге был отлично осведомлен о состоянии моего здоровья. К тому же предстоял еще трехдневный путь по уртонам (станциям) от Урги до Троицкосавска. В этих обстоятельствах власти национальной Монголии пришли мне на помощь особым распоряжением по уртонам предоставлять мне немедленно по прибытии лучших заводных лошадей, не задерживая меня нисколько. Таким образом, я смог покрыть расстояние от Урги до Троицкосавска, равное 350 верстам, на 12 переменных лошадях в 26 часов времени. Это – безусловно рекорд для всадника, принимая во внимание гололедицу и жестокий мороз.

По прибытии в полк, рано утром, я явился к командиру полка, который был восхищен моим пробегом настолько, что вопрос о моем опоздании заглох сам собой.

Мои монгольские приключения и расследование по ним были преданы забвению, но я все же был откомандирован от полка в фехтовально-гимнастическую школу и должен был выехать в Читу.

Вспоминая свои молодые годы и время, проведенное в Монголии, я не могу не остановиться на личности Чжожен-гегена, который был наиболее выдающимся из всех известных мне руководителей ламаистской религии.

Чжожен-геген хорошо знал Россию. Он обладал исключительным даром провидения, и сила его духовных способностей в этой области производила поистине поражающее впечатление.

Я часто беседовал с ним и могу засвидетельствовать, что он с поразительной точностью предвидел события, о которых, казалось бы, не мог иметь никакого представления. Он предсказал мне большую войну, в которой должна принять участие Россия, падение царской власти, последующую Гражданскую войну и мою роль в ней.

Уже находясь в эмиграции, я получил сообщение от одного из моих друзей в Монголии о том, что Чжожен-геген совершенно точно предсказал тогдашнему главе Монгольской красной армии Сухе-Батору его грядущую гибель от руки коммунистов. Вскоре после этого Сухе-Батор пытался поднять восстание против коммунистов в Урге и был ими расстрелян. Чжожен-геген также предсказал конец коммунизма, за что был убит красными в Урге.

Наблюдая за людьми, обладающими, подобно Чжожен-гегену, силой духовной прозорливости, я, на основании своих наблюдений, пришел к выводу, что силой этой наделен от рождения каждый человек, но не каждый обладает способностью ее развить и использовать.

Прозорливость, или способность человека предвидеть события и роль в них отдельных индивидуумов, несомненно, связана с религиозностью и способностью человека углубляться в себя и своим духовным взором приподнимать завесу, скрывающую от нас будущее. Таким образом, несомненно, что степень развития дара прозорливости связана неразрывно со степенью духовного совершенствования человека и отрешенностью его от материальных интересов и условий.

Дар прозорливости не следует смешивать с интуицией общественного или политического деятеля, который, изучив досконально текущие события и их первоисточник, будучи к тому же ознакомлен с общей обстановкой, может в сфере своей специальности дать безошибочный прогноз на ближайшее будущее. Эта осведомленность специалиста, дающая ему возможность предугадывать грядущие события, не имеет ничего общего со способностью видеть духовными очами, каковой, с достаточной силой, обладают только весьма немногие люди, посвятившие себя духовному самоусовершенствованию.

Связь с религией в этом случае совершенно неразрывна, и потому многие мыслители, с высоко развитыми философским даром и духовной культурой, интересовались вопросами религии, детально изучали их и неизбежно приходили к выводу о чрезвычайном значении религии для человечества. М. Мюллер усматривает в религии способность ума, которая, независимо от чувств и разума, дает возможность человеку постичь бесконечное. Кант усматривает в ней чувство наших обязанностей постольку, поскольку они основаны на божественных велениях. Самое трудное в этом вопросе – необходимость допуска гипотетических оснований, потому что, если отбросить веру в святость и непререкаемость евангельского учения, не останется ничего, что можно было бы принять за неоспоримую, ясно утверждающую истину. Таким образом, можно принять, что религиозное чувство человека исходит от его душевных переживаний и разума и это есть вера в существование Высшего Начала, которое мы обозначаем словом «Бог». Значение религии в жизни человека не допускает направления ее во вред другим, т. е. ограничивает ее известными рамками, которые мы подразумеваем под термином «совесть».

Чувство совести выливается в духовный кодекс разграничения добра и зла, регулируемый понятием о нравственности. Понятие это различно у разных народов и зависит от степени их развития, но в определении понятия добра и зла все религии сходятся между собою, формулируя это заповедью: «Не желай ближнему твоему того, чего не пожелаешь себе».

Любопытно отметить, что мне много раз приходилось наблюдать совершенно бессознательное чувство уважения к чужой религии в самой низшей по развитию среде многих народов. Этот факт ярко свидетельствует о врожденности в человеке чувства познания Божества.

Я убежден, что абсолютное неверие свойственно невеждам, узость мировоззрения которых закрывает перед ними кругозор и мешает им видеть и понять Высшее Начало во вселенной. Недалеко уже то время, когда мир стряхнет с себя гипноз материалистических воззрений марксизма и вернется на путь полного признания Божества. Тогда придется сугубо опасаться разного рода сектантских теорий, могущих своей тенденциозностью и узостью миросозерцания направить людей, ищущих Бога, на ложный путь.

Говоря о Чжожен-гегене, я должен сказать, что ламаизм, который исповедовал он, в основе своей является одной из гуманнейших религий, но, к сожалению, следует признать, что ламаизм в наше время сильно загрязнен пережитками суеверий и нуждается в реформах более, чем какая-либо иная религиозная доктрина.

Глава 3

Перед войной

Перевод полка в Монголию. Мое прикомандирование ко 2-й Забайкальской батарее. Поездка в Томск. Перевод в 1-й Нерчинский полк. Аействия против хунхузов. Мобилизация. Отправка полка на Запад. Остановка в Москве. Курьезное недоразумение в Кремле. Дальнейший путь на Запад.

Вскоре после моего возвращения из Монголии весь 1-й Верхнеудинский полк получил распоряжение сосредоточиться в Урге с тем, чтобы позднее быть переведенным в Улясутай. С большим огорчением я должен был расстаться с полком, уходящим туда, где остались мои неосуществленные мечты о большой и интересной работе во вновь образовавшемся государстве, в создании которого и я принимал участие.

С уходом полка я остался в прикомандировании ко 2-й Забайкальской батарее, которая временно оставалась в Троицкосавске. Батарея тоже готовилась к походу, и у меня была малая надежда вернуться с ней в Монголию. Мой отъезд в фехтовально-гимнастическую школу командиром батареи, страдавшей от недостатка офицеров, был отсрочен, и перед штабом округа было возбуждено ходатайство о моем переводе в батарею.

Пока ходатайство об этом ходило по инстанциям, я был командирован в Томск за покупкой для батареи артиллерийских лошадей. Лошадей удалось подобрать очень хороших, как по качеству, так и в смысле кровей и подбора по масти, поорудийно. Командующий войсками Иркутского военного округа, осматривая батарею, сделал заключение, что «едва ли даже гвардейская артиллерия имеет такой конский состав». Удачное выполнение поручения и явившееся вследствие этого благоволение начальства дало мне основание надеяться на то, что мне удастся, в конце концов, снова попасть в Ургу, тем более что по существовавшим правилам я вполне удовлетворял условиям для перевода в артиллерию, без дополнительного испытания, как окончивший училище с отличными успехами по артиллерии.

Однако надеждам моим не суждено было осуществиться. Вмешательство мое в монгольские дела еще не было забыто, и мое ходатайство о переводе в батарею было по этой причине отклонено. По уходе батареи мне не оставалось ничего иного, как переехать в Читу и явиться в фехтовально-гимнастическую школу, после успешного окончания которой я был переведен на службу в 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, входивший в состав Уссурийской конной бригады.

1-й Нерчинский полк был разбросан по селам и деревням в юго-восточной части Приморской области. Штаб полка, учебная команда и две сотни стояли на станции и в прилегающей станции Гродеково. Я получил назначение в 1-ю сотню и немедленно выехал к месту расквартирования сотни, в деревню Кневичи.

Полком командовал уже произведенный в чин генерал-майора М.А. Перфильев, пользовавшийся в полку большой популярностью. Он был мой однокашник, и я хорошо знал с детских лет как его самого, так и всю его семью. 1-й сотней командовал есаул Тихонов; младшим офицером в сотне, кроме меня, был сотник Кудрявцев.

В полк я прибыл 2 февраля 1914 года и через несколько дней попал со взводом казаков в командировку для поимки хунхузов, терроризировавших Сучан-Кневичи и прилегающий район по границе с Маньчжурией. Действия против хунхузов дали мне большой опыт в способах ведения партизанской войны.

Успешно завершив свою экспедицию против хунхузов, я вернулся к сотне, но вскоре получил назначение на должность начальника полковой учебной команды и вследствие этого переехал на станцию Гродеково.

19 июля 1914 года наш полк получил срочное приказание о выступлении из лагерей под Никольск-Уссурийским на зимние квартиры. Срочность распоряжения и указание сосредоточить все сотни полка в поселке Гродеково, не разводя их по зимним квартирам, подчеркивали неизбежность серьезных событий, в наступление которых до той поры мало верилось. 21 июля полк подходил к Гродекову, когда был встречен помощником командира полка войсковым старшиной Анисимовым. Последний вручил командиру запечатанную депешу, полученную из штаба бригады, с указанием на секретность и срочность доставки. Содержание депешки не было известно никому, но все присутствовавшие почувствовали важность наступавшего момента, когда командир полка начал вскрывать ее. Выстроив полк в резервную колонну, командир полка полковник Жулебик выехал перед серединой полка и громко прочел телеграмму, которая сообщала об объявлении нам войны Германией.

Семьи офицеров, жители станицы Гродеково и железнодорожные служащие, которые собрались встретить полк, присутствовали при этом и присоединили свои голоса к громкому «ура» за Государя Императора, которым полк встретил объявление столь важного известия. Хотя война была уже объявлена, мобилизация частей 1-го Сибирского корпуса еще задерживалась, и существовало опасение, что невыясненность отношений к событиям со стороны Японии могла задержать нас на Дальнем Востоке неопределенно долгое время. Поэтому я немедленно телеграфировал бывшему командиру полка графу Келлеру, ходатайствуя о прикомандировании меня к 1-му Астраханскому каз. полку. Через неделю был получен благоприятный ответ графа Келлера, с предложением немедленно явиться в полк, на предмет перевода в него. Я спешил скорее оформить свой отъезд на фронт; уже намечен был день отправления и сделан наряд на погрузку коней, как части войск Приамурского военного округа получили приказ о мобилизации и отправлении на фронт. В связи с этим отпала, конечно, моя поездка в 1-й Астраханский полк, и я тотчас дал телеграмму графу Келлеру с благодарностью за содействие и сообщением, что иду на фронт со своим полком.

В середине августа первый эшелон нашего полка, включавший нашу 1-ю сотню, вышел со станции Гродеково на запад.

Неизмеримость величия нашей родины, как в смысле ее беспредельности, так и в отношении неисчерпаемых природных богатств, казалась нам залогом несомненной нашей победы. Эта уверенность укреплялась видом ликующего народа по городам и станциям на всем протяжении нашего десяти тысячеверстного пути на запад. Поля и леса Сибири уже одевались в золотистую парчу осени. Богатство урожая подтверждалось видом сжатых и покрытых золотистыми снопами хлеба полей. Повсюду на станциях кипела работа: горы разных товаров ожидали очереди отправки к местам назначения; тяжело нагруженные поезда перебрасывали на запад к фронту бесконечные эшелоны войск и продукты труда сибиряка – масло, кожи, мясо, хлеб, скот, лес и пр., и пр. Оценивая кипучую работу в глубоком тылу, видя неисчерпаемые богатства нашей страны, мы укрепили свою уверенность в грядущем благополучии и величии нашей родины в результате победы нашей славной армии, дружно поддержанной всем населением страны. Не было причин думать не только об ожидавшей наше отечество катастрофе, но даже о каких-либо малых затруднениях. Все мечты были сосредоточены на боевых подвигах и боевой славе. Мы рвались всей душой на фронт, в бой, и потому нескончаемыми казались нам дни нашего рельсового пути. К тому же мы не знали нашего маршрута дальше Тулы. На очереди стояла возможность отправки нашей бригады на Кавказский фронт. В Москве это задержало нас на три дня.

В середине сентября месяца, на рассвете, первый эшелон нашего полка подошел к Первостольной. Сразу же стало известно, что там мы будем ожидать, пока все эшелоны нашей бригады не подтянутся в Москву, и за это время будет разрешен вопрос о пути дальнейшего нашего следования. Пока же мы – гости матушки Москвы. Приказано было показать казакам столицу. Трамваи возили казаков бесплатно.

Больше всего казаки заинтересовались Кремлем, и там мне пришлось быть свидетелем довольно курьезного случая: трем бурятам, слабо, сравнительно, владевшим русским языком, я объяснял на их родном языке историческое значение Москвы и Кремля. В это время вблизи нас оказались две дамы и мужчина. Они усиленно прислушивались к нашему разговору и, конечно, ничего не могли из него понять. Вдруг мужчина обращается ко мне, спрашивает, долго ли мы находились в пути и не устали ли после длинной дороги. Я не понял истинного значения его вопроса и сказал, что мы ехали в вагонах 33 дня, пока доехали до Москвы. Услышав мой ответ, приблизились обе дамы и начали с чувством глубокого участия говорить много приятного по нашему адресу. Только после нескольких минут разговора я понял, что москвичи приняли нас за японцев, переодетых в русскую форму. Когда я пытался разубедить их в этом и сказал, что мы – забайкальские казаки, то одна из дам возразила, что возможно, что офицеры действительно русские, но солдаты, без сомнения, иностранцы, т. к. она слышала наш нерусский разговор. Они уверяли меня в своей благонамеренности и указали, что я напрасно скрываю обстоятельство, всем известное, о том, что идут японцы. Я не сомневаюсь, что многие жители Европейской России принимали нас за японцев, и, возможно, агенты противника не раз искренне вводили в заблуждение свои штабы несоответствующими истине донесениями.

На третий день нашего пребывания в Москве мы получили назначение нашего конечного пункта под Новогеоргиевск и покинули гостеприимную столицу, уходя под Варшаву.

Глава 4

Великая война

Выгрузка и боевое крещение. Первые трофеи. Операции под Новым Мястом. Дело под Сахоцином. Спасение полкового знамени и обозов. Операции под Праснышем. Разведка Млавы. Действия моего разъезда. Занятие Млавы. Восстановление связи с тылом. Наблюдения в Млаве. Прибытие бригады.

Наш полк был эшелонирован в западной части Новогеоргиевской крепости и имел задание продвинуться на северо-запад от укрепленной зоны и в указанном пункте сосредоточиться. К пункту сосредоточения полка сотни должны были двигаться самостоятельно.

Выгрузившись ночью из вагонов, я на рассвете повел 1-ю сотню и был в назначенном месте к 11 часам утра. По прибытии штаба полка выяснилось, что на полк возложена задача разведки противника, наступавшего на части нашей пехоты с северо-запада. Выслали разъезды в соответствующих направлениях, и после часу пути переменным аллюром мой разъезд вошел в соприкосновение с частями пехоты противника. Мы наткнулись на пешие разведывательные дозоры германской пехоты. Один из таких дозоров был мною атакован и частью порублен, а двух пехотинцев нам удалось захватить в плен. Это были первые трофеи не только лично мои и нашего полка, но и всей бригады. Опрос пленных обнаружил важные данные о противнике. Я получил благодарность начальника нашей бригады генерал-майора Киселева.

В это время заканчивались варшавские операции и мы были двинуты на север, в направлении на Ново Място.

Более полутора месяцев наша бригада вела бои и производила разведку в районе местечка Ново Място и севернее его к Цеханову. 8 или 9 ноября 1914 года мы подтянулись к местечку Сахоцин. На следующий день я вновь ушел в разведку с разъездом в 15 коней. Задача моя заключалась в том, чтобы войти в соприкосновение с противником в направлении местечка Остатние Гроши и выяснить его силы и намерения. Через сутки моя задача была выполнена, донесения своевременно посланы, и я решил потихоньку возвращаться к полку в Сахоцин. Между тем еще накануне, выяснив обстановку и силы противника на основании сведений, добытых разведкой, бригада под прикрытием ночной темноты оставила Сахоцин и двинулась к Цеханову, имея задачу оказать содействие нашей пехоте в овладении ею городом. В Сахоцин передвинулись обозы бригады, включая и обоз 3-го разряда. Наступило 10 ноября. Не зная ничего о выходе бригады из Сахоцина, я с разъездом в 10 коней, из оставшихся у меня казаков, переночевав в деревне в 15 верстах от Сахоцина, возвращался туда. Приближаясь к местечку, мы слышали выстрелы, и чем ближе мы подходили к нему, тем отчетливее была слышна редкая ружейная стрельба. Не доходя до местечка, мы увидели разбегавшихся людей, некоторые из которых были полуодеты и без фуражек. Наконец, я увидел скачущего всадника, который оказался моим конным вестовым. Он сидел на моем чистокровном жеребце; жеребец и вынес его к коням, увидев мой разъезд. Я выругал казака, указав на недопустимость скачки, да еще по твердо утрамбованному шоссе. Казак мне доложил, что бригада ушла наступать на Цеханов еще вчера, а утром на оставшиеся в Сахоцине обозы напали немцы и захватили все, включая знамя и караул у него. Мой вестовой, Чупров, был толковый, отличный в боевом отношении казак, и не верить ему было невозможно. По его словам, противника было не менее полка, а может быть, и больше. Захватив обозы, немцы направили их по дороге на деревню Чарны. Изредка были слышны еще выстрелы, которые Чупров объяснял тем, что немцы стреляют по спрятавшимся и разбегающимся нашим обозным. В самом Сахоцине, по докладу Чупрова, на площади у костела стояла застава из спешенных кавалеристов, а за углом должен находиться спешенный эскадрон, держа лошадей в поводу.

Времени терять было нельзя. Долг повелевал действовать немедленно. Я с разъездом в 10 коней наметом пошел к местечку и, выскочив на площадь у костела, атаковал спешенную заставу противника. Смяв несколько человек и не давая времени оправиться другим, я бросился на спешенный эскадрон и привел его в полный беспорядок, обратившийся в панику. Часть кавалеристов распустила лошадей и разбежалась, часть успела вскочить верхом и в панике бросилась вслед за колонной уходящих обозов, вселяя панику и в конвоирующие ее эскадроны. В голове колонны шли два эскадрона, которые быстро поддались панике и ускакали, бросив свои трофеи, не имея возможности ориентироваться в обстановке и выяснить размеры угрожавшей им опасности. Я преследовал противника не менее четырех верст под конец уже один, ибо забайкалки не смогли угнаться за моим кровным конем. Преследуя противника, я нагнал одного всадника, который сдался мне.

Результат моего внезапного появления и атаки во много раз превосходящего меня силой противника был блестящий: действия моего разъезда заставили кавалерийскую бригаду противника, которая имела задачей действием в тыл нашей конницы, наступавшей на Цеханов, парализовать ее помощь пехоте, оставить задачу незаконченной и поспешно удалиться, понеся потери убитыми и пленными.

Обозы всей нашей бригады и наше полковое знамя были отбиты и спасены. Всего было захвачено немцами и отбито мною свыше 150 обозных повозок; головные эшелоны артиллерийского парка 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона и около 400 человек пленных, кроме того, наша бригада получила возможность закончить свою операцию по овладению городом Цехановом, который был занят нами.

По результатам это дело кажется маловероятным, и осуществление этого подвига разъездом в 10 коней объясняется внезапностью налета и быстрым распространением паники среди противника, эффект, который завершил начатое, не требуя легендарного героизма от исполнителей. Мои потери в этом столкновении выразились в одной раненой лошади.

За описанное дело я получил орден Св. великомученика и победоносца Георгия 4-й степени, а казаки были награждены Георгиевскими крестами.

Немедленно по овладении Цехановом наша бригада была двинута в направлении на Млаву, на границе Восточной Пруссии, через Свенту-Гиноецк. Млава – небольшое местечко на самой границе, в одном переходе от крепости Солдау. Наша бригада получила задание двигаться на Иоганненбург. Это второе наше вторжение в Восточную Пруссию не было удачным для нас, но и не было по своим последствиям тяжелым. В это время фронт не представлял еще собою сплошной линии окопов и проволочных заграждений. Свобода для маневра была полная. Более энергичная сторона использовала лучшие возможности для нанесения удара противнику и выигрывала.

В это самое время немцы уже начали осуществлять свой план операций под Праснышем, следствием коего было взаимное окружение русских немцами и немцев русскими, путем наложения обходов и окружений. Через несколько дней после получения задачи движения на Иоганненбург наша бригада уже отходила из пределов Восточной Пруссии; задерживаясь в приграничной полосе, вела разведку, а временами производила короткие диверсии в сторону Солдау и Руды. Операции под Праснышем вначале развивались успешно для немцев. Для противодействия, надо полагать, этому успеху нашим командованием было решено предпринять наступление на Солдау, успех которого должен был вынудить противника осадить свой фланг в Восточной Пруссии и тем свести на нет успех центра под Праснышем. Задача эта была возложена на 1-й Туркестанский корпус генерала Шейдемана. Непосредственно на Млаву вела операции, кажется, 4-я Туркестанская стрелковая дивизия.

Усилия туркестанцев на Млавском направлении после четырехдневных непрерывных боев привели лишь к тяжелым потерям с обеих сторон, но результата не было достигнуто: немцы свои позиции удержали.

1 декабря 1914 года, рано утром, штаб бригады вызвал по три офицерских разъезда от полка. В число их попал и я с разъездом в 10 коней. Начальник штаба бригады, капитан Бранд, разъяснил нам, начальникам девяти разъездов, предстоящую задачу. После же предложил тянуть жребий, кому идти по шоссе в направлении на Млаву, так как это направление было наиболее неблагоприятным для ведения разведки, а следовательно, и наиболее трудным. Капитан Бранд, взяв девять спичек, обломил у одной из них головку и сказал, что не хочет кого-либо назначать на это направление, а считает более справедливым идти тому, на кого укажет жребий, добавив, что кто вытянет спичку с обломанной головкой, тот и пойдет с разъездом по шоссе на Млаву. После этого предложил мне тянуть спичку первому, и я вытянул спичку без головки.

На рассвете приказано было выступить и в течение дня 2 декабря достичь определенных рубежей, указанных по карте. Согласно оперативной сводке штаба корпуса, нам было известно о готовящемся наступлении немцев на северном участке нашего фронта Млава – Прасныш. Бригаде нашей в связи с этим ставилась задача действовать совместно с 4-й Туркестанской стрелковой дивизией, имея объектом Млаву и наступая южнее шоссе, дабы вырвать инициативу у противника, не дав ему возможности развить успех на широком фронте.

Около 5 часов утра разъезды бригады выступили для выполнения своих задач. До линии сторожевого охранения нашей пехоты я дошел быстрым аллюром, дабы под завесой утренней мглы возможно ближе подойти к сторожевому охранению противника. Прибыв в одну из сторожевых застав нашей пехоты, я попросил начальника заставы ориентировать меня в обстановке на линии сторожевого охранения и указать наиболее удобный проход в тыл расположения противника. В это время подошел на заставу начальник участка сторожевого охранения и сказал мне, что положение без перемен, как было в последние дни, о чем я смело могу донести в штаб бригады, так как только что вернулись его разведчики. Я использовал данные мне сведения для того, чтобы послать донесение со слов начальника сторожевого участка, сам же решил попытаться выяснить силы противника, его расположение и намерения и осветить полосу данной мне для разведки местности вплоть до прусской границы. Пехотные разведчики посоветовали мне двигаться оврагом до его поворота на север, который подведет меня к одному из полевых караулов противника на шоссе. Двигаясь оврагом, я через полчаса подошел к указанному мне повороту и, спешившись, оставил коноводов в овраге; сам же приступил к осмотру местности.

Утренняя мгла уже редела. Предвестники появления утреннего солнца, порозовевшие облака, уже прорезывали редевшую мглу утреннего тумана и давали возможность даже невооруженным глазом различать предметы на сотню, полторы шагов. Засняв кроки видимых мне небольших проволоочных заграждений у деревни Модлы, я послал второе донесение в штаб бригады, выразив неуверенность в успехе моей попытки проникнуть за сторожевое охранение противника. И только успел отослать казака с донесением, как младший урядник Заметнин прибежал ко мне с докладом, что не более как в ста шагах от нас виден небольшой костер и около него несколько неприятельских солдат. Заметнину и еще одному казаку я приказал ползти по обочине шоссе насколько возможно и остаться лежать, не давая себя заметить, ожидая моего сигнала. Четирем казакам я приказал отойти в противоположную сторону, шагов на сто, по берегу оврага и по сигналу выпустить по костру по одной обойме патрон. Дождавшись, когда посланные люди достигли исходного положения, я открыл огонь по костру, сейчас же поддержанный моими казаками. Выполнение столь нехитрого маневра удалось как нельзя лучше: часовой и подчасок у проволоочной рогатки на шоссе немедленно бежали, а со стороны, надо было полагать, полевого караула началась частая и беспорядочная ружейная стрельба. Разъезд мой в девять коней, включая и меня, моментально был на конях; Заметнин по моему приказанию быстро убрал проволоочную рогатку с шоссе, и я, прорвав линию сторожевого охранения противника, наметом двинулся за отступающей заставой и атаковал ее. Застава, понеся потери в пять человек, зарубленных казаками, во главе с офицером сдалась в плен. Оказалось,

что, потерпев под Праснышем большое поражение, немцы начали отход за линию Солдау, оставив в Модлы арьергардную роту, в Млаве – главные силы арьергарда.

Пленные под конвоем четырех казаков были мною отправлены в тыл, предварительно обезоруженные. Для отвоза в тыл оружия я поручил одному казаку разыскать подводу, а сам с четырьмя казаками стал продвигаться на Модлы, откуда на моих глазах спешно отходила германская рота. Послав срочное донесение, я продолжал с тремя казаками двигаться, по возможности, скрытно от глаз противника за ним, дабы не открыть своих действительных сил в четыре всадника. Мало-помалу я продвигался к Млаве, посылая время от времени донесения в штаб бригады, и, наконец, к вечеру с одним оставшимся у меня казаком подошел к Млаве на расстояние не больше двух верст и остановился за кирпичным сараем. Наняв двух мальчишек, я имел все данные о том, что делается у немцев, и, по мере отхода их арьергардного батальона из города, я с окраин Млавы подвигался постепенно к центру, к площади у костела. Очутившись на ней, я послал оставшегося у меня казака с донесением: «Млаву занял. Прошу подкрепления для преследования отступающего противника. В моем распоряжении остался один конный вестовой».

Я совершенно недоумевал, видя, что фактически обстановка прямо противоположна полученной мною ориентации штаба корпуса. Кроме того, я не понимал, почему штаб бригады ничем не реагирует на мои донесения и почему казаки, которых я посылал в тыл, не возвращались ко мне обратно. Правда, я уже удалился от своей бригады не менее как на 20 верст, но все же я полагал, что хотя бы первые мои донесения должны быть получены штабом бригады.

В то же самое время в штабе царило, оказывается, также полное недоумение. Никаких сведений об изменении обстановки, кроме моих донесений, там получено не было. Получив, наконец, определенное мое донесение о том, что я нахожусь в самой Млаве, которая противником оставлена, решили проверить правильность его и послали в Млаву разъезд Приморского драгунского полка, силою в один взвод, под командой корнета Коншина. Около полудня я со своим вестовым сидел на веранде одного из ресторанов на главной улице Млавы и, держа лошадей в поводу, после голодного дня ужинал, когда послышался конский топот с нашей стороны и показался взвод драгун. Корнет Коншин сообщил мне, что ему было приказано срочно проверить место моего нахождения и немедленно донести в штаб бригады. И со слов местных жителей он уже из дер. Модлы послал первое донесение, в котором сообщил, что, по словам жителей, действительно, несколько казаков находятся в Млаве. Не прошло и двух часов с момента прибытия разъезда корнета Коншина, как к Млаве начала подтягиваться наша бригада.

Еще задолго до прибытия разъезда приморцев в Млаву, пока было достаточно светло для наблюдения, я заметил со своего наблюдательного пункта, что к аптеке, находящейся на площади у костела, подошли два автомобиля: один обычный, легковой, а другой – фургон с красными крестами на боковых стенках. Из машин вышли несколько человек и скрылись в аптеке. Шоферы остались на улице. Взяв винтовку вестового, я тщательно прицелился в переднюю легковую машину и выстрелом пробил в ней бензиновый бак, лишив тем самым возможности уйти не только поврежденную, но и исправную машину, так как путь ей был загорожен. После выстрела поднялась паника, и пассажиры обеих машин бросились бежать. Имея только одну винтовку, мы успели подстрелить лишь одного шофера, ранив его в ногу; все остальные разбежались и скрылись. Почти в то же самое время на моих глазах, под конвоем нескольких человек, в сопровождении двух телег, немцы проводили девятнадцать наших драгун Приморского полка, при четырех офицерах, захваченных в плен, по-видимому, где-то недалеко. Имея при себе одного казака, я не решился на попытку отбить пленных и из опасения попасть в своих даже не стал стрелять. Было очень досадно, что штаб бригады опоздал поддержать меня, так как, имея при себе хотя бы только свой разъезд, я легко мог бы отбить наших пленных и захватить их конвой.

К полуночи 2 декабря 1914 года наша бригада во главе с начальником ее, генерал-майором Киселевым, заняла Млаву. Я встретил начальника бригады на площади у костела и тут же сделал ему подробный доклад о действиях своего разъезда за день. Пленные, взятые мною, уже прошли через штаб бригады, и генерал был осведомлен о боевой работе разъезда со слов конвоя. Начальник бригады поздравил меня с успехом и тут же приказал начальнику штаба телеграфно представить меня к награждению Георгиевским оружием. К ордену Св. Георгия я был уже представлен 11 ноября того же года за дело под Сахоцином.

Бригада немедленно пошла в наступление в направлении на Солдау и имела под этой крепостью ряд успешных для нас боев, за которые начальник бригады генерал-майор Киселев был награжден орденом Св. Георгия.

Глава 5

Летняя кампания 1915 года

Боевые качества начальника. Решительность и настойчивость. Влияние техники и новых средств боя. Руда и Журамин. Соперничество в разведке. Индивидуальные свойства бойцов. Генерал-майор А.М. Крымов. Его боевые качества и слабые стороны. Сущность кавалерийского начальника. Тяжелые арьергардные бои дивизии. Душа конницы и ее современное значение. Прорыв фронта противника у озера Аресвяты. Бой за переправу. Несостоятельность генерала Орановского. Тяжелые потери и отступление.

Элемент внезапности на войне имеет весьма большое значение не только для стороны, подвергшейся нападению и вынужденной обороняться, но и для самих нападающих. От быстроты ориентировки начальника в большинстве случаев зависит конечный успех предприятия. Превосходство сил в таких случаях значения не имеет, и даже больше: при малораспорядительном или растерявшемся начальнике большая по численности масса войск становится менее пригодной для дела, чем меньшая количественно часть при находчивом начальнике. Не будет ошибкой считать, что при нераспорядительном начальнике значение количественного превосходства войск над противником будет обратно пропорционально их достижениям. С другой стороны, при энергичном, быстро схватывающем обстановку и распорядительном начальнике значение численности находящихся в его распоряжении войск будет иметь решающее значение на исход боевых столкновений в операциях даже частного характера. Элемент внезапности, по всем данным, приобретает особо важное, если не решающее значение в будущих войнах, характер которых под влиянием небывалого развития техники в наши дни должен совершенно измениться. Возможность переброски воздушных десантов в решительный момент на решительный участок фронта и даже в глубокий тыл противника чрезвычайно расширит число случаев, когда элемент внезапности приобретет решающее значение для исхода тех или иных операций. В будущих войнах главной целью противника явится стремление внести дезорганизацию в тылу, чтобы разрушить экономические функции в аппарате противной стороны, вызвать панику в тылах и нарушить нормальную работу руководящих центров как военного командования, так и гражданского управления неприятеля. При решении этих заданий внезапность и стремительность налетов в глубокие тылы противной стороны явятся, без сомнения, главнейшим условием для достижения поставленных себе целей.

Элемент внезапности находится в прямой зависимости от решительности военачальника. К сожалению, до сего времени у нас наблюдалось, что решительность являлась свойством обратно пропорциональным рангу и положению начальника; чем больше должность, тем слабее решительность. Степень пригодности военачальника, помимо прочих условий, должна оцениваться в зависимости от его способности действовать решительно и не бояться ответственности. Конечно, решительность должна сочетаться с прочими положительными качествами, наличие коих обязательно для полководца, иначе он принесет только вред, нарушая общий план ведущихся операций и приводя части к бессмысленным потерям. Все это, впрочем, давно разработано в теории и детально освещено в аспекте исторических примеров многими авторитетами военного дела. Нового тут сказать нечего, нам остается только всегда помнить эти истины и не забывать применять их на практике.

Праснышские операции закончились нашим успехом, и немцы, понеся потери в десятки тысяч пленными и большим количеством разнокалиберной артиллерии, отошли. Наша бригада была переведена на линию реки Свенты, где заняла окопы на довольно продолжительное время. Вслед за отходящим противником мы из-под Млавы были двинуты в юго-западном направлении, к дер. Руда. Руда расположена на прусской территории, у самой границы. В

продолжение полутора месяцев я находился в дер. Зеленой, на пути между Рудой и Журамин. Больших боев в этот период не было, вели разведку и состязались с германскими кавалеристами в небольших кавалерийских стычках и ловкости разведчиков. Немцы придерживались системы разведки не менее полуэскадроном, а мы предпочитали пользоваться мелкими разъездами, имевшими иногда в своем составе не более пяти-шести коней. Наш казак оказался лучшим индивидуальным бойцом, чем немецкий регулярный кавалерист. За полтора месяца практики моей в действии разъездом, при регулярной смене казаков, я захватил в плен свыше 50 германских всадников и не потерял ни одного со своей стороны. В конце концов, это настолько терроризовало германских кавалеристов, что они продвигались для разведки в наше расположение, имея позади себя небольшие пешие части, часто на телегах. Мы сразу учли это обстоятельство и изменили свою тактику, беря под непрерывное наблюдение неприятельских разведчиков, но не обнаруживая себя до тех пор, пока они, считая свою задачу оконченной, не поворачивали обратно. Тогда обычно пехота уходила вперед, полагая, вероятно, что разъезд уже не может угрожать какая-либо опасность нападения, а мы атаковали немцев как раз в тот момент, когда они считали себя уже дома. Наконец, немцы были выведены, по-видимому, из терпения и решили двумя батальонами ландштурма (ополчение) занять местечко Журамин в нашем тылу, чтобы лишить нас возможности оставаться в Зеленой и делать вылазки на их территорию. Когда эти батальоны заняли Журамин, мы не только не ушли из Зеленой, но совершенно отрезали их от своей базы и уничтожили возможность подвоза им продовольствия, перехватывая обозы и отбирая все, что они везли. Это было сравнительно нетрудно, потому что обозы в видах безопасности шли по ночам и при незначительном конвое. Через несколько дней немцы начали пускать обозы под конвоем эскадрона, с применением всех мер охранения. Тогда я со своим разъездом, выждав ухода эскадрона с обозом из дер. Руды, напал на нее и обратил в бегство взвод ландштурмистов, остававшихся в деревне. Занимая в течение нескольких часов дер. Руды, я дождался возвращения конвойного эскадрона и внезапно напал на него при входе в деревню. Такая неожиданность настолько сильно повлияла на противника, что эскадрон буквально разбежался. Часть всадников бросилась в Журамин и подняла там тревогу. Гарнизон местечка, получив сведения о занятии русскими Руды в тылу Журамина, немедленно начал беспорядочный отход. Имея в своем распоряжении около 20 всадников, я сначала начал обстрел спешно отступающей колонны и, когда этим привел ее в смятение, атаковал ее в конном строю, захватив около 100 пленных и обоз в 20 телег. За это дело я был произведен в следующий чин вне очереди, за отличие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.